

История русского романа

в двух томах

1

ИСТОРИЯ РУССКОГО РОМАНА

ТОМ I

Утверждено к печати

*Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Академии наук СССР*

Редактор Издательства *В. А. Браиловский*

Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *М. Е. Зендель*

Корректоры *К. И. Видре, Л. Я. Комм, Н. Е. Фатина и Л. З. Фрадкина*

Сдано в набор 14/IV 1962 г. Подписано к печати 28/VII 1962 г.
РИСО АН СССР № 73109В. Формат бумаги 70×108³/₁₆.
Бум. л. 19³/₈. Печ. л. 39¹/₄=53.77 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 55.83.
Изд. № 1595. Тип. вак. № 651. М-42184. Тираж 12000.

Цена 2 р. 45 к.

Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. Издательства Академии наук СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

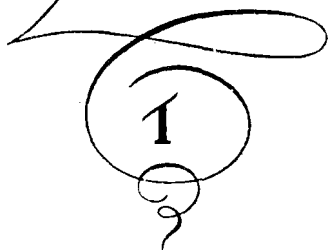
	Стр.
Введение (Г. М. Фридендер)	3
У ИСТОКОВ РУССКОГО РОМАНА	
Глава I. Предпосылки возникновения жанра романа в русской литературе (Д. С. Лихачев)	26
Глава II. Зарождение романа в русской литературе XVIII века (Г. П. Момсеева — § 1, И. З. Серман — §§ 2—6)	40
Глава III. Русский роман первой четверти XIX века. От сентиментальной повести к роману (Е. Н. Купреянова — §§ 1—6; Л. Н. Назарова — §§ 7—9)	66
ПУШКИН. РУССКИЙ РОМАН 30-х ГОДОВ	
Глава I. «Евгений Онегин» (Б. С. Мейлах)	100
Глава II. Путь Пушкина к прозаическому роману (А. В. Чичерин)	157
Глава III. «Капитанская дочка» (Н. В. Измайлов)	180
Глава IV. Исторический роман (С. М. Петров)	203
Глава V. Нравоописательный роман. Жанр романа в творчестве романтиков 30-х годов (Г. М. Фридендер)	251
Глава VI. «Герой нашего времени» (Б. М. Эйхенбаум)	277
ГОГОЛЬ. РУССКИЙ РОМАН 40-х—НАЧАЛА 50-х ГОДОВ	
Глава I. «Мертвые души» (Д. Е. Тмарченко)	324
Глава II. Белинский о проблемах романа (Г. М. Фридендер)	359
Глава III. Русский роман 40—50-х годов (Н. И. Пруцков)	372
Глава IV. «Бедные люди» (Г. М. Фридендер)	403
Глава V. Путь Достоевского от «Бедных людей» к романам 60-х годов (Г. М. Фридендер)	416
Глава VI. Григорович. Роман из народной жизни (Л. М. Логман)	431
РУССКИЙ РОМАН 50-х—НАЧАЛА 60-х ГОДОВ	
Глава I. Романы Тургенева	455
«Рудин» (Г. М. Фридендер — § 1; С. А. Малахов — §§ 2—5)	455
«Дворянское гнездо» (С. А. Малахов)	476
«Накануне» (А. И. Батюто)	484
«Отцы и дети» (Г. М. Фридендер — § 1; А. И. Батюто — §§ 2—5)	493
Глава II. Романы Гончарова	514
«Обыкновенная история» (Н. И. Пруцков)	514
«Обломов» (Н. И. Пруцков)	536
ГЕРЦЕН И ПРОБЛЕМЫ РОМАНА	
Глава I. «Кто виноват?» (Н. И. Пруцков)	560
Глава II. «Былое и думы» (Л. Я. Гинзбург)	583
Указатель имен (И. А. Алексеев)	608
Указатель произведений (И. А. Алексеев)	617

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ИСТОРИЯ РУССКОГО РОМАНА

в двух томах

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 2

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. С. БУШМИН, Б. П. ГОРОДЕЦКИЙ,
Н. И. ПРУЦКОВ, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Редактор тома

Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

ВВЕДЕНИЕ

1

Роман является самым широким по охвату жизни, самым читаемым и распространенным жанром литературы нового времени. В нем особенно полно и рельефно воплотились существенные черты реализма как наиболее передового и прогрессивного художественного метода, наиболее плодотворного направления литературы XIX и XX веков, ставящего своей целью широкое отображение жизни в ее историческом движении и изменении, в ее социальных конфликтах, в единстве ее индивидуальных и общественно закономерных моментов. В наши дни роман занимает важнейшее место в развитии литературы социалистического реализма, в творчестве тех лучших передовых писателей в странах капитализма, которые активно участвуют в борьбе за мир и демократию.

Не удивительно поэтому, что проблемы теории и истории романа приобрели, особенно в последние годы, не только большое научное, но и политическое значение. Вокруг вопросов о романе, о его месте и значении для современности, о перспективах и путях развития современного романа в наше время ведутся горячие споры, происходит упорная борьба между представителями передовой и реакционной литературно-общественной мысли.

То руководящее место, которое роман завоевал в прогрессивной реалистической мировой литературе, огромное влияние, которое приобрели на Западе и в США лучшие романы советских писателей и писателей стран народной демократии, любовь широкого демократического читателя к жанру реалистического романа, правдиво освещающего основные вопросы современности, вызывают тревогу у идеологов современной реакции и реакционной модернистской литературы. Поэтому те ожесточенные нападки на реализм, которые ведутся в наше время со стороны реакционной части буржуазных писателей и со стороны многих ревизионистов, находят свое непосредственное выражение в атаках, направленных против реалистического романа — классического и современного. Сознывая единство и связь, существующие между развитием передового реализма в мировой литературе и расцветом романа, современные противники реализма ведут упорную борьбу против романа. Они утверждают, что традиции классического романа исчерпали себя, а самый жанр романа «устарел» и не соответствует больше потребностям «современного человека». Реалистическому роману, дающему широкую картину взаимодействия личности и общества, характеров и обстоятельств, противники социалистического реализма противопоставляют прокламируемые ими «новые» (а на самом деле давно известные и отвергнутые передовыми представителями русского и мирового искусства) жанры. Общей характерной чертой последних является стремление изолировать личность от общества, оторвать изображение и анализ индивидуальной жизни от анализа более широких социальных связей и закономерностей.

Борьба, которую ведет современный модернизм против передового реалистического романа наших дней и против его исторических традиций, делает научную разработку вопросов теории и истории романа важной задачей советских историков литературы. Показать неразрывную связь, существующую между высшими достижениями реалистической литературы в прошлом и жанром романа, обосновать огромное значение жанра романа для нашей современности, исследовать основные этапы развития романа в буржуазной литературе и в литературе социалистического реализма — такова одна из тех задач, которые ставит перед советскими историками литературы, литературоведами стран народной демократии и всей прогрессивной литературно-общественной мыслью нашего времени современная идеологическая борьба. Без серьезной научной разработки вопросов теории и истории романа невозможно дать отпор тем нападкам на роман, которые раздаются из уст современных модернистов, невозможно исчерпывающе ответить на вопрос о значении романа в наши дни и о конкретных перспективах его развития в литературе социалистического реализма.

Особенно важным и плодотворным для ответа на вопросы о значении романа для нашей современности, об основных исторических законах и перспективах развития этого жанра является изучение великого опыта русского классического романа.

Русский классический роман занимает исключительное место в истории русской и мировой литературы. Глубокая реалистичность русского романа, его высокая идейность и художественно-эстетические достоинства давно завоевали ему широкое признание во всем мире. Традиции русского классического романа оказали и продолжают оказывать в наши дни огромное влияние на всю передовую литературу человечества. Эти традиции успешно продолжает развивать в наши дни советский роман.

Свою ведущую роль в литературе XIX и начале XX века русский роман приобрел благодаря тому, что он стал к этому времени наиболее полным и всесторонним отражением исторических судеб русского народа, зеркалом борьбы общественных классов и идейных направлений, определявшей историю русского общества в эпоху развития капитализма и подготовки социалистической революции в России. Слова Горького, сказанные о русской литературе в целом, о том, что она «особенно поучительна, особенно ценна широтой своей» и что «нет вопроса, который она не ставила бы и не пыталась разрешить»,¹ характеризуют превосходно историю русского романа. Русский классический роман XIX и начала XX века от Пушкина до Горького является подлинным итогом пережитого, пережитого и передуманного русским обществом в эту эпоху. Его связь с освободительным движением, с жизнью самых широких слоев населения, постоянное внимание к настроениям, нуждам, исканиям передовой части общества и народных масс способствовали огромной широте поставленных в нем вопросов, исключительной глубине и емкости художественных образов великих русских романистов.

Тесная связь с национальной жизнью, глубокий анализ порожденных ею общественно-психологических типов, моральных и интеллектуальных проблем органически сочетались в классических образцах русского романа с творческой, оригинальной постановкой вопросов, имеющих мировое, общечеловеческое значение. Говоря о «полувековой истории», пережитой Россией «примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века» и оценивая эту историю как историю «неслыханных мук и жертв, невиданного револю-

¹ М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 4.

ционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований», В. И. Ленин считал одной из ее характерных черт также «проверку» и «сопоставление опыта Европы».² Это замечание В. И. Ленина освещает и одну из особенностей русского классического романа. Исходя из размышлений над проблемами, поставленными национальной жизнью, великие русские романисты XIX века рассматривали эти проблемы не изолированно, но стремясь разрешить их, всесторонне учитывали исторический опыт других народов, опыт развития передовой литературы Европы и Америки. Отражение вопросов, поставленных перед русским обществом эпохой ломки крепостнических отношений и подготовки буржуазно-демократической революции, которая в России явилась преддверием к революции социалистической, они связали с постановкой самых глубоких и важных вопросов жизни всего мира, подняли на такую высоту, благодаря которой русский классический роман XIX века явился шагом вперед в художественном развитии человечества.

Благодаря этим своим историческим особенностям классический русский роман имел огромное влияние не только на последующее развитие прогрессивной литературы, изобразительного искусства, музыки, театра. Он оказал также могучее воздействие на движение передовой общественной мысли, на деятелей русского и мирового освободительного движения. Для того чтобы оценить значение русского романа для истории русской общественной мысли, достаточно вспомнить о том, что Белинский, Герцен, Добролюбов, Чернышевский, Писарев посвятили многие, самые известные свои статьи анализу тех общественных вопросов, которые были поставлены в произведениях великих русских романистов от Пушкина до Толстого. А о том неизгладимом впечатлении, которое оставили в сердцах молодых поколений образы русского романа от Онегина и Татьяны до Базарова, от Веры Павловны и Рахметова до Павла Власова, о роли этих образов в воспитании революционной молодежи говорят многочисленные свидетельства деятелей русского и международного революционного и социалистического движения.

Как известно, жанр романа занял то центральное место, которое он занимает в развитии мировой литературы в наши дни, сравнительно поздно. Хотя в литературе древнего и средневекового Востока, в поздней древнегреческой и римской литературе, в средневековых литературах различных европейских народов существовали произведения, которые мы с большим или меньшим правом относим к жанру романа, все эти предшественники современного романа не смогли завоевать для себя в литературном развитии своей эпохи того места, какое роман по праву занял в литературе нового времени.

Различное значение и удельный вес романа в развитии древней и средневековой литературы, с одной стороны, и литературы нового времени, с другой, находятся в теснейшей зависимости не только от изменения условий общественной жизни, но и от качественного изменения природы романа как жанра, его содержания и формы. Ни античный (по преимуществу любовный) роман, ни авантюрно-рыцарский роман средневековой эпохи не ставили перед собой, подобно современному роману, задачи всестороннего отражения общественной жизни, освещения ее наиболее глубоких и сложных внутренних закономерностей, ее социальных, моральных и интеллектуальных проблем. И античный, и рыцарский роман были в первую очередь занимательным чтением о необычайных событиях и приключениях, они давали богатую пищу воображению читателя, но не поднимали больших вопросов общественной жизни.

² В. И. Ленин, Сочинения, т. 31, стр. 9.

В литературе нового времени роман, напротив, потому и смог занять ведущее, центральное место, что природа романа как жанра оказалась в наибольшей степени отвечающей тем новым запросам жизни и тем новым задачам, которые поставила перед литературой изменившаяся общественная обстановка. Прозаическая форма романа, свойственное ему композиционное построение вокруг судьбы одного или переплетающихся судеб нескольких основных героев, которые находятся во взаимодействии и борьбе друг с другом и переживания которых носят типичный характер; более широкие возможности, допускаемые формой романа по сравнению с другими жанрами, для изображения как внутренней жизни героев, так и внешней обстановки, среды, быта; возможность сочетать в романе различные точки зрения и аспекты изображения, соединить в нем эпические мотивы с драматическими и лирическими; сочетать изображение высоких, патетических моментов жизни с обыденно-прозаическими или комическими, — все эти специфические черты романа сделали именно роман литературным жанром, наиболее подходящим для изображения новой общественно-исторической обстановки, сложившейся в результате ломки феодальных отношений и развития буржуазного общества. Эти особенности романа позволили ему стать наиболее глубоким и всеобъемлющим художественным отражением сложных исторических процессов, моральных и идеологических сдвигов и великих классовых битв нового времени.

Формирование и развитие романа в русской литературе опиралось на общие исторические закономерности развития жанра романа в литературе нового времени. Но вместе с тем исторический путь, пройденный русским романом, с самого начала имел свои исторические особенности, которые отражают национальное своеобразие условий и путей развития русской культуры и литературы.

Первые оригинальные образцы романа появились в России в XVIII веке. Им предшествовали в XVII веке повествовательные опыты, во многом приближавшие русскую литературу к жанру романа. Тем не менее древнерусская литература не знала романа в собственном смысле слова, хотя неверным было бы полагать, что накопленные ею традиции не оказали никакого влияния на последующий русский роман, пропущенный для него бесследно. Оригинальный русский роман не мог бы возникнуть и плодотворно развиваться в XVIII и XIX веках, если бы развитие древнерусской литературы не подготовило для него почву, не создало ряда предпосылок и художественных элементов, сделавших форму романа исторически закономерной и необходимой для дальнейшего развития русской литературы. Связь между этими элементами и позднейшим романом подтверждается тем, что многие характеры, сюжеты и приемы древнерусских повестей, образы летописных преданий и житийной литературы продолжали жить в творческом воображении русских романистов не только XVIII, но и XIX века, получили новое художественное преломление и развитие в творчестве Толстого и Достоевского, Тургенева и Лескова. Поэтому изучение связи между художественными завоеваниями и открытиями древней русской литературы и позднейшим русским романом XVIII и XIX веков — одна из существенных задач истории русского романа.

Возникнув в 60—70-х годах XVIII века, русский роман не сразу достиг того высокого идейного накала, того глубокого реализма и классического художественного совершенства, которые стали позднее его отличительными особенностями. Вторую половину XVIII и первую четверть XIX века — годы до появления «Евгения Онегина» — можно рассматривать как подготовительный период накопления сил, которые были нужны для возникновения классического русского романа. Как и наследие пове-

ствовательных жанров древней Руси, достижения писателей XVIII и начала XIX века сыграли свою важную роль в подготовке и формировании принципов русского реалистического романа следующей эпохи. В этом отношении велико было значение не только творчества Чулкова и обоих Эминых, а позднее Измайлова или Нарезного, уже наметивших в своих романах многие темы, характерные образы и ситуации, получившие более глубокую разработку в творчестве позднейших романистов. Высокий гражданский пафос и смелый обличительный дух радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», пристальное внимание к внутреннему миру человека, характерное для прозы Карамзина и лирики Жуковского, мастерство исторического повествования Карамзина-историка, сатира Крылова и Грибоедова и многие другие художественные открытия литературы XVIII и начала XIX века не прошли даром для создателей классического русского романа XIX века, но были творчески усвоены и переработаны ими. Лишь на основе творческого освоения этих богатых и разнообразных завоеваний русской литературы предшествующего периода мог окончательно сформироваться классический русский реалистический роман. Первый этап в его истории был отмечен появлением трех великих шедевров, которые имели исключительное, переломное значение для развития всей национальной русской культуры и сразу выдвинули русский роман на одно из первых мест в мировой литературе, — появлением «Евгения Онегина», «Героя нашего времени» и «Мертвых душ».

Начиная с 40-х и 50-х годов XIX века русский роман прочно выдвигается на определяющее, центральное место в развитии всей русской литературы. В романах Тургенева и Гончарова, Герцена и Чернышевского, Лескова и Щедрина, Достоевского и Толстого получили в период с 30-х по 80-е годы свое наиболее яркое и всестороннее выражение все многообразные и сложные проблемы жизни русского общества, вопросы, выдвинутые перед ним ломкой крепостнических отношений, развитием освободительного движения. Отныне русский роман благодаря своей идейности, гуманизму и глубокому реализму получает широкое признание за рубежом, оказывая мощное влияние на последующее развитие реалистического романа во всем мире. Идеиные и реалистические традиции великих русских романистов этого периода получили дальнейшее развитие в творчестве Горького, создателя романа нового исторического типа — романа социалистического реализма.

2

Огромная роль, которую сыграл русский роман на протяжении последних полутора веков и которую он продолжает играть в наши дни, выдвигает перед советской литературной наукой в качестве одной из насущных проблем задачу изучения истории русского классического и советского романа, его жанровых особенностей, художественного мастерства русских писателей-романистов.

Плодотворное решение этой задачи предполагает сочетание глубокого изучения конкретных фактов истории русского и советского романа с теоретическим исследованием проблем романа как литературного жанра, установлением общих закономерностей его исторического развития.

Следует помнить, что широкое изучение проблем романа за рубежом развернулось во второй половине XIX века, в эпоху господства позитивизма, когда даже крупные представители буржуазной науки лишь в редких случаях ставили перед собой задачу теоретического обобщения накопленного исторического материала. Большинство работ зарубежных буржуазных ученых по теории и истории романа представляют в основной своей массе до сих пор либо работы идеалистического и формалисти-

ческого характера, либо полезные сводки фактического материала и изложение отдельных частных наблюдений, без попытки более широко подойти к этим фактам и наблюдениям, связать их с историческим развитием общества и национальной культуры, с тем великим процессом, который В. И. Ленин назвал «художественным развитием всего человечества».³ Лишь немногие исследования по теории и истории романа, — в частности появившиеся в последние десятилетия работы критиков-марксистов Р. Фокса,⁴ А. Кеттла⁵ и др., — составляют исключение из этого общего правила.

Перед советскими учеными стоит задача во многом по-новому подойти к вопросам теории и истории романа, опираясь на то научное, материалистическое понимание истории человеческой культуры, основы которого заложены в трудах Маркса и Ленина. Это относится и к специфическим проблемам изучения путей развития романа в русской классической литературе.

Тем не менее русская критика XIX века и дореволюционная литературоведческая наука накопила и некоторые ценные традиции в области изучения теоретических проблем романа, его исторического формирования и развития на русской почве.

Обсуждение теоретических проблем романа началось в русской критике одновременно с появлением его первых образцов, в середине XVIII века, в эпоху Тредиаковского и Сумарокова. Оно не прекращалось в течение всей первой половины XIX века, и это помогало Белинскому стать не только первым выдающимся теоретиком, но и первым историком русского романа.

Роман стоял в центре внимания Белинского с первых шагов его критической деятельности до самого конца жизни, причем взгляды великого критика на роман не оставались неподвижными. Они претерпели серьезные изменения в связи с общим ходом развития мировоззрения Белинского, с его эволюцией от идеализма к материализму. И однако последующие ступени в развитии Белинского не отменяли предыдущих: его последние, наиболее зрелые высказывания о романе во многих отношениях являются развитием и завершением того, что было намечено в ранних его статьях.

Уже в статье «О русской повести и повестях Гоголя» (1835) Белинский указал на центральное место, которое роман и повесть постепенно — к 20—30-м годам XIX века — заняли в развитии мировой литературы. Белинский высказал мысль, что эта гегемония романа и повести (которая в России окончательно определилась с началом творчества Гоголя) была определена не случайными, а глубокими историческими причинами: она была обусловлена развитием не только литературы, но и общественной жизни. «Форма и условия романа удобнее для поэтического представления человека, рассматриваемого в отношении к общественной жизни, и вот, мне кажется, тайна его необыкновенного успеха, его безусловного владычества», — писал Белинский в 1835 году о причинах господства романа в литературе XIX века.⁶

Судьбы романа как жанра уже в молодые годы Белинский связал с судьбами «реальной поэзии», целью которой является не поэтическая идеализация действительности, а «истина» — суровая, часто беспощадная жизненная правда, т. е. связал с судьбами реализма. В отличие от эпо-

³ В. И. Ленин, Сочинения, т. 16, стр. 293.

⁴ Р. Фокс. Роман и народ. Гослитиздат, М., 1960.

⁵ A. Kettle. An Introduction to the English Novel, vol. I—II. London, 1951—1953.

⁶ В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. I, Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 271.

пей и трагедии, роман, по его мнению, изображает не «полубога», а обыкновенного человека, «существо индивидуальное»,⁷ личность в ее взаимодействии с окружающей общественной жизнью. Поэтому роман не чуждается повседневности, в него на равных правах входят высокое и низкое, «красота» и «безобразие», самая возвышенная поэзия и самая обыденная житейская проза.⁸

Намеченная впервые в статье «О русской повести и повестях Го голя» характеристика романа как центрального (наряду с повестью) жанра реалистической литературы XIX века получила дальнейшее развитие и уточнение в статьях Белинского 40-х годов. Белинский сформулировал в них мысль о романе как об «эпопее нашего времени».⁹ На примере «Мертвых душ» Белинский в полемике с К. С. Аксаковым показал, что пафосом романа XIX века является раскрытие внутренних противоречий действительности в свете субъективного критического отношения к ней художника, его передового общественного идеала. Белинский охарактеризовал роман как наиболее широкий и свободный литературный жанр, синтетический по своему характеру, так как элементы эпического повествования в нем закономерно объединяются с лирически взволнованным, «субъективным» отношением писателя к действительности и напряженным его вниманием к наиболее острым, драматическим моментам общественной жизни.¹⁰

Итог своим размышлениям над теоретическими проблемами романа и его художественными задачами Белинский подвел в последней своей обобщающей статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (1847—1848). «Роман и повесть, — писал он здесь, — даже изображая самую обыкновенную и пошлую прозу житейского быта, могут быть представителями крайних пределов искусства, высшего творчества... Это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии; в нем талант чувствует себя безгранично свободным. В нем соединяются все другие роли поэзии — и лирика как излияние чувств автора по поводу описываемого им события, и драматизм как более яркий и рельефный способ заставлять высказываться данные характеры... На его «романа» долю преимущественно досталось изображение картин общественности, поэтический анализ общественной жизни».¹¹

В ряде статей и рецензий на русские и зарубежные романы 30—40-х годов Белинский явился первым в России историком романа, проследившим смену различных типов романа на протяжении развития этого жанра, начиная с рыцарского романа средних веков и до социального романа 30—40-х годов XIX века. Данный Белинским анализ Онегина, Печорина, Бельтова, Александра Адуева как типичных выразителей соответствующих этапов развития русского общества явился образцом для последующей критики.

Начатый Белинским анализ эволюции русского романа XIX века и его центральных образов, рассматриваемых в широкой исторической перспективе, в связи с развитием русского общества, сменой характерных для него культурных и социальных явлений и идеологических настроений, продолжил А. И. Герцен в работе «О развитии революционных идей в России» (1851), в предисловии к немецкому переводу романа Д. В. Григоровича «Рыбаки» «О романе из народной жизни в России» (1857) и в позднейших литературно-публицистических статьях.

⁷ Там же, стр. 267, 266, 265.

⁸ Там же, стр. 267.

⁹ Там же, т. V, 1954, стр. 39.

¹⁰ Там же, стр. 25—28; т. VI, 1955, стр. 217—218.

¹¹ Там же, т. X, 1956, стр. 315—316, 317.

Статьи Белинского, посвященные русскому и зарубежному роману, подготовили почву для систематической разработки истории русского романа. Первым по времени опытом ее явилась статья одного из второстепенных деятелей демократического движения 60-х годов Г. Е. Благосветлова «Исторический очерк русского прозаического романа», напечатанная в 1856 году в журнале «Сын отечества» (№№ 28, 31, 38).

Статья Благосветлова была задумана как история русского романа за сто лет — от появления «Езды в остров любви» Тредиаковского и выступления Сумарокова против чтения романов и до начала 50-х годов XIX века. Приступая к осуществлению этого замысла, Благосветлов в своем общем понимании значения русского романа исходил из идей, высказанных Белинским. «Роман, — писал Благосветлов в начале своего обзора, — составляет самую плодотворную отрасль литературной деятельности нашего века. Он охватил все сферы общественной и семейной жизни... роман — всеобъемлющая эпопея нашего века. Будущему исследователю современной эпохи он, гораздо вернее и подробнее истории, раскроет частные черты нашего закулисного быта».¹² Благосветлов поставил перед собой три главные задачи: выяснить, под влиянием каких обстоятельств возник русский прозаический роман, охарактеризовать его основные направления в прошлом и современное его состояние.

Благосветлову удалось лишь частично осуществить свой замысел: он ограничился обзором русского романа XVIII века. Третья (последняя) часть его обзора завершается анализом «Евгения» А. Е. Измайлова, т. е. 1799 годом.

Тем не менее обзор Благосветлова представлял для своего времени серьезный научный и общественный интерес. Благосветлов, следуя Белинскому, рассматривал литературу как «выражение общества» и утверждал, что в русском романе общественное развитие отразилось более выпукло, чем в других жанрах. С этой точки зрения он стремился подойти к романам Ф. Эмина, Хераскова, Чулкова, И. Новикова и А. Измайлова. Благосветлов первый сделал попытку определить основные жанровые модификации русского романа XVIII века. Он различает в эту эпоху романы нравственно-сатирический («Письма Эрнеста и Доравры» Эмина), героический (его же «Непостоянная фортуна»), ложноклассический (романы Хераскова) и чисто сатирический бытовой («Пригожая повариха» Чулкова). Отмечая вслед за Белинским собственные русскому роману XVIII века «подражательные» черты, Благосветлов одновременно стремился подчеркнуть его самобытное содержание, выделить в романе XVIII и начала XIX века элементы, получившие дальнейшее развитие в 30-е и 40-е годы. В частности, в некоторых персонажах «Евгения» Измайлова он находил зародыши позднейших типов Пушкина и Гоголя. Эти идеи, высказанные Благосветловым, были впоследствии подхвачены авторами гимназических и университетских курсов истории русской литературы (в частности Галаховым) и получили дальнейшее свое развитие уже в начале XX века в работах В. В. Сиповского.

Статья Благосветлова надолго осталась единственной, хотя и незаконченной, попыткой специальной монографической разработки истории русского романа. С новыми попытками такой разработки мы встречаемся снова лишь спустя четверть века — в 80-х и 90-х годах.

Ко времени выступления на поприще критики Чернышевского и Добролюбова роман уже прочно занял свое ведущее место в развитии русской литературы. Задачей демократической критики в это время был прежде всего анализ общественного содержания произведений выдающихся русских романистов 50—60-х годов.

¹² «Сын отечества», 1856, № 28, стр. 27.

В «Очерках гоголевского периода русской литературы» (1855—1856) Чернышевский высоко оценил взгляды Белинского на проблемы романа.¹³ Чернышевский разделял мысль Белинского о том, что «в наше время... господствующий род поэзии есть рассказ, повесть, роман».¹⁴ В своих статьях и рецензиях на произведения русских романистов 50—60-х годов Чернышевский и Добролюбов возродили и развили в новой исторической обстановке взгляды Белинского, считавшего реалистическое отражение современной общественной жизни основной задачей русского романа. Они призывали русских романистов своего времени к служению общественным интересам, к правдивому, сурово-неприкрашенному изображению народной жизни с целью содействовать пробуждению революционного самосознания народных масс.

В таких статьях Чернышевского, как «Русский человек на rendez-vous» (1858), в статьях Добролюбова «Что такое обломовщина?» (1859) и «Когда же придет настоящий день?» (1860) произведения Тургенева и Гончарова, их основные типы и характеры получили глубокую эстетическую оценку, они поставлены в широкую историческую связь с развитием русского общества, с историей смены центральных героев не только русского романа, но и самой русской жизни. Истолковав образы главных героев русского романа XIX века как отражение нескольких последовательно сменявших друг друга фаз истории русского общества, различных по своему содержанию и в то же время преемственно связанных друг с другом, Чернышевский и Добролюбов гениально осветили одну из центральных проблем истории русского романа. Эту их традицию позднее продолжал в лучших своих статьях (об «Отцах и детях», «Что делать?», «Преступлении и наказании») Писарев. Внимание Добролюбова к эстетическим особенностям и индивидуальной творческой манере каждого из великих русских романистов особенно бросается в глаза на фоне суждений о них позднейшей критики, уделявшей этим вопросам гораздо меньше внимания.

Освещение многих важных проблем истории русского романа дали во второй половине XIX века не только классики русской революционно-демократической критики, но и сами великие русские романисты этой эпохи. Следует напомнить о таких выдающихся памятниках эстетической мысли 60—80-х годов, относящихся к вопросам романа, как статья Толстого «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“» (1868), ряд высказываний Салтыкова-Щедрина о романе (в рецензиях конца 60-х—начала 70-х годов и в «Господах ташкентцах», 1869), соответствующие замечания Достоевского в «Дневнике писателя» и в эпилоге романа «Подорожник» (1875), статью Гончарова «Лучше поздно, чем никогда» (1879) и его не опубликованный при жизни автокомментарий к «Обрыву», предисловие Тургенева к его романам (1880) и т. д. Все эти статьи и замечания, подытоживающие творческий опыт, наблюдения и размышления великих русских романистов, оказали огромное влияние на последующую научную разработку вопросов теории и истории романа не только в России, но и за рубежом.

В статье «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“» Толстой указал как на одну из важных черт русского романа XIX века на то, что произведения русских романистов, начиная с Пушкина и Гоголя, не в отдельных, исключительных случаях, а, напротив, как правило, не укладываются в традиционную форму романа, сложившуюся на Западе, представляют собой «отступления от европейской формы». Эту особенность русского романа Толстой связывал с тем, что самые грани между

¹³ Н. Г. Чернышевский, Полное собрание сочинений, т. III, Гослитиздат, М., 1947, стр. 185, примечание.

¹⁴ Там же, т. IV, 1948, стр. 158.

различными жанрами к середине XIX века стали «условными», а потому стремление русских писателей выразить в искусстве свое отношение к жизни и свое мировоззрение не могло не вести их к поискам новой, индивидуальной формы, ставило их в противоречие с традиционными, сложившимися до них жанровыми разграничениями.¹⁵

Достоевский в своих суждениях о романе остро выразил мысль о различии между задачами двух поколений русских романистов: тех романистов, которые, изображая преимущественно жизнь «средне-высшего» дворянского круга, имели перед собой картину сложившейся и устоявшейся жизни с выработанными, традиционными, «красивыми» формами, и тех пришедших им на смену писателей второй половины XIX века, главным предметом внимания которых была «текущая» пореформенная действительность с типичной для нее картиной брожения, горячего устремления к новому и распада старых, устойчивых форм жизни.¹⁶

Наиболее широкое и многостороннее освещение проблем исторического развития русского романа из великих русских писателей XIX века дал Щедрин, который после смерти Добролюбова и ареста Чернышевского был на протяжении двадцати лет не только крупнейшим писателем-художником, но и крупнейшим критиком и теоретиком литературы революционно-демократического лагеря.

Из суждений Щедрина о романе наиболее важно то место в «Господах ташкентцах», где Щедрин говорит о смене на протяжении XIX века двух типов романа: романа, который был «по преимуществу произведением семейственности», в котором «драма... начинается в семействе, не выходит оттуда и там же заканчивается», и романа качественно иного, общественного типа. «Роман современного человека, — пишет по этому поводу Щедрин, — разрешается на улице, в публичном месте — везде, только не дома». Поэтому прав был Гоголь, который «давно провидел, что роману предстоит выйти из рамок семейственности».¹⁷

В своих критических статьях, посвященных «Обрыву» Гончарова, а также А. К. Шеллеру-Михайлову, Ф. М. Решетникову, М. В. Авдееву, Д. Л. Мордовцеву, Щедрин подробно развил эту мысль, доказывая, что подлинный материал романисту второй половины XIX века могла дать только «общественность» и прежде всего драма «борьбы за существование» широких народных масс, участие передовой личности в «социальном и политическом движении».¹⁸

Ряд ценных замечаний о русском романе второй половины XIX века содержится в статьях Н. К. Михайловского 70—80-х годов. Не ограничиваясь суждениями об отдельных русских романистах (Тургеневе, Толстом, Достоевском), Михайловский в 1874 году в заметке о книге М. В. Авдеева «Наше общество в героях и героинях литературы» сделал попытку дать общую периодизацию истории русского романа XIX века, связав смену его центральных персонажей со сменой основных социальных сил, определявших в различные периоды культурную жизнь общества. «В движении двадцатых годов, — писал Михайловский, — принимали участие различного общественного положения люди, но ядро их составляла военная молодежь аристократического происхождения». На смену им в 40-х годах пришла группа, «гораздо менее определенная» с точки зрения ее общественного положения, ядро которой составлял

¹⁵ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 16, Гослитиздат, М., 1955, стр. 7.

¹⁶ Ф. М. Достоевский, Полное собрание художественных произведений, т. VIII, ГИЗ, М.—Л., 1927, стр. 474—476.

¹⁷ Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полное собрание сочинений, т. X, Гослитиздат, М., 1936, стр. 55—58.

¹⁸ Там же, т. VIII, 1937, стр. 127—128, 352.

«средней руки дворянин». Наконец, «центральным фактом» литературной жизни конца 50-х—начала 60-х годов Михайловский считал «пришествие разночинца». Последний принес с собой в литературу «новую точку зрения на вещи, которая состояла в подчинении общих категорий цивилизации идее народа».¹⁹ При всей непоследовательности, проявленной Михайловским при применении этой общей исторической схемы к отдельным литературным фактам (непоследовательности, связанной с субъективистской окраской его народнических взглядов), намеченная им периодизация имела для своего времени большое значение как опыт социологического истолкования истории русской литературы вообще и, в частности, истории русского романа.

В 80-е годы проблемы теории и истории романа, до этого разрабатывавшиеся преимущественно в критике и публицистике, начинают привлекать внимание русской академической и университетской науки, которая, как и в других областях, лишь с запозданием берется за изучение этих, новых для нее вопросов. Немалую роль для обращения академической науки к вопросам теории и истории романа сыграло признание мирового значения русского романа за рубежом, признание, которое стало очевидным именно в 80-е годы, в особенности после выхода известной книги французского критика М. де Вогюэ о русском романе (1886).

Одним из первых выдающихся русских ученых, обратившихся к изучению романа в связи с общими проблемами теории и истории этого жанра, был Ф. И. Буслаев, выступивший уже на склоне лет с большой статьей «Значение романа в наше время» (1877).

Буслаев высказал мысль, что роман, ставший «господствующим родом беллетристики нашего времени», лишь с трудом укладывается в традиционную классификацию литературных жанров: он обнимает «в эластической форме» все виды поэтических произведений. Поэтому «оценивать роман только с точки зрения эпоса, лирики или драмы — значило бы далеко не исчерпать его обильного содержания и его сложных задач и идей».

С точки зрения Буслаева, роман не только объединяет в себе жизненные элементы, которые в прошлом получали выражение в различных поэтических жанрах, но и сочетает «поэзию» с «практическим» направлением, свойственным XIX веку. Поэтому «поучительность» и даже «назидательность» являются его закономерными чертами, задача современного романа — «нераздельное слияние художественных интересов с назидательными». В принципе такое слияние имело место и в прежних формах искусства, но в романе оно получает наиболее свободное, широкое и полное выражение.²⁰

Исходя из этой общей интересной и содержательной характеристики природы романа, Буслаев сделал попытку рассмотреть в своей статье основные этапы истории романа от его античных и средневековых предшественников до европейского романа XVIII—XIX веков. Набросав общую картину истории романа на западном материале, он в заключительной части статьи отвел некоторое место и русскому роману XIX века, опираясь при этом главным образом на теоретические высказывания писателей — Гончарова и Тургенева. К сожалению, именно в этой последней части речи Буслаева особенно отчетливо проявились его расхождения с революционно-демократической эстетикой, стремление Буслаева ограничить сферу воздействия литературы областью индивидуальной психологии и морали, отрицание социально-политических задач русского романа и его связи с освободительным движением.

¹⁹ Н. К. Михайловский, Сочинения, т. II, СПб., 1896, стб. 633—634, 647.

²⁰ Ф. Буслаев. Мои досуги, ч. II. М., 1886, стр. 410—417.

Ф. И. Буслаев специально обратился к вопросам романа в самый последний период своей деятельности и успел в этой области лишь наметить, и при том далеко не полно, круг проблем, подлежащих дальнейшей научной разработке. Иное место проблемы теории и истории романа заняли в кругу интересов другого видного представителя академической науки, ученика и младшего современника Буслаева — А. Н. Веселовского.

Вопросы романа стояли в центре внимания Веселовского на протяжении почти двадцати пяти лет его научной деятельности. В 1870 году Веселовский защитил магистерскую диссертацию «Вилла Альберти», посвященную исследованию названного итальянского романа XV века, открытого и изданного им в 1867—1868 годах в Италии. В 1876 году Веселовский напечатал статью «Греческий роман», вызванную выходом в свет известного труда Э. Роде. Через два года, в 1878 году, появилась статья «Раблэ и его роман» — одна из лучших работ на эту тему, имевшая для своего времени выдающееся научное значение. Приступив с начала 80-х годов к чтению в Петербургском университете курса «Теория поэтических родов в их историческом развитии», Веселовский отвел в этом курсе обширное место роману. Проблема истории романа является центральной в третьей части указанного курса, которую ученый впервые читал в 1883—1884 годах под общим названием «Очерки истории романа, новеллы, народной книги и сказки».²¹ В 1886—1888 годах Веселовский выпустил два тома исследований по средневековой литературе, сопровождаемых изданием новых текстов древнерусских повествовательных памятников, под общим названием «Из истории романа и повести». Значительное место вопросы истории западноевропейского романа и повести занимают и в одной из последних наиболее обширных работ Веселовского по литературе Возрождения — в монографии «Боккаччо, его среда и сверстники» (2 тома, 1893—1894).

Однако перечисленные работы Веселовского по истории романа написаны почти исключительно на западноевропейском материале. Лишь в исследованиях по древнерусской литературе он касается проблем, связанных с предысторией этого жанра в России на первых, сравнительно отдаленных еще этапах (так, в исследовании «Из истории романа и повести» освещается взаимодействие образов и мотивов греко-византийского и рыцарского романа с различными жанрами древнерусской литературы — апокрифом, житием, героической повестью и т. д.). В последние годы жизни Веселовский собирался обратиться к работе над Пупкиным, где ему пришлось бы коснуться и вопросов истории русского романа в собственном смысле слова, но замысел этот остался неосуществленным.

Таким образом, для разработки истории русского романа непосредственное значение имели главным образом теоретические взгляды Веселовского, его общее понимание природы романа как жанра, а также методологическая сторона его исследований.

Наиболее полно общие взгляды Веселовского на роман и его место в истории литературы изложены в его статье «История или теория романа?» (1886).

Веселовский отталкивался, формулируя свои общие взгляды на роман, от известной в свое время книги Ф. Шпильгагена «Материалы по истории и технике романа» («Beiträge zur Theorie und Technik des Romans», 1883). Шпильгагену, который в этой книге выступал как эпигон немецкой идеалистической эстетики, Веселовский противопоставил историческую и сравнительную точку зрения. «История поэтического рода — луч-

²¹ Имеется литографированная запись этой части курса, составленная М. И. Кудряшевым. Здесь рассматриваются основные жанровые модификации романа и повести начиная с античности и до XVI—XVII веков.